

Кологривский отшельник и ему подобные

Летом 2008 года в непролазную глушь кологривских лесов на окраине Костромской области в четырехстах километрах на северо-восток от колыбели Дома Романовых, забратья меня заставила нужда увидеть близких людей, которые там поселились. Не столько по своей воле и не совсем так, как эмигрируют из России за границу в поисках лучшей доли. Скорее, эта внутренняя эмиграция произошла под натиском социума, не терпящего противостояния дурному ходу вещей и событий...

Здесь в первозданном виде сохранилась тайга, лес не вырубался несколько столетий. Есть места, куда до сих пор не ступала нога человека. Большая часть Кологривского леса в междуречье Унжи и Виги – девственные ельники.

Не лесной я человек, однако этот Лес покорил. Его дивную чистоту, красоту и тишину запомнила, как помнят музыку... Величественные пейзажи реликтовых лесов по обе стороны Унжи так и стоят в глазах...

А глядеть тогда пришлось «про запас» – фотоаппарат отказал ещё при подъезде к этим дивным местам, а другого не купишь – магазинов-то нет... Глухое место... Даже мобильник получил «выходной», сообщив: нет сети

В одной из деревень России

Шестилетняя Люся живёт в деревеньке Илешево: с десяток жилых домов и столько же брошенных.

Нет школы, детского сада, больницы. Добраться до Илешева сложно: междугородных автобусных рейсов нет.

А продуктовый магазин есть в соседнем селе. Пошли пешком по тропке, с обочин которой сбегают маслята, корзинку наполнили, не сходя с тропы...

Луговые травы сплошь в колокольчиках, часиках, ромашках. Идём, а Люся рассказывает:

– В прошлом году пошли по бруснику, а нет её – медведи съели.

– Как так медведи, – спрашиваю, – откуда знаешь, что они?

– А я их какашки видела!

– Большие? – от неожиданности не нахожу, что умного сказать.

– Ага, – говорит Люся. – Воот такие!.. Наполовину из брусники.

Люся удивила, когда я ещё только одной ногой из такси на землю ступила. Опередив взрослых, подлетела к машине первая со словами:

– Вера! Мне перед тобой неудоб-

но: бретелька от сарафана оторвалась, а переодеться не успела!

– Ничего, голубка, пустяки, – пришьётся! – утешила я.

– Пришьётся? – хитро сощуриив сияющие глазки, переспросила девочка.

– Конечно, пришьётся, – подтвердила, не чуя подвоха.

– Неужели пришьётся?.. САМА?! – Люська расхохоталась.

Ишь, срезала! Дитя литераторов...

Люсин дом на берегу Унжи. Живёт с мамой, отчимом, которого зовёт папой, и полуторагодовой сестрой Машенькой. Отец Маши большой русский поэт Владимир Леонович. Кстати, журнал «Казань» в июне 2008-го достойно, на два разворота, отметил его 75-летний юбилей. Потому что и Казани есть за что сказать поэту спасибо, как многим другим городам и весям от Карелии до Соловков, от Грузии до Украины.

Он не только по части переводов иноязычных поэтов непревзойденный мастер, но и топориком так машет, что профессиональные плотники-столяры позавидуют. «Завтра, – говорит, – на лодке кататься будем – сам согнул». Печь сложить или стихи про «дыма женские повадки» – всё у него получается! Труженик Господень: и перед Всевышним предстанет трудоспособным...

Второго июня новый костромской губернатор решил лично поздравить поэта с 75-летием. Заказал вертолёт в Москве (на автомобильную дорогу от Костромы до этих мест ушёл бы день). Однако Ярославский аэрофлот не дал разрешения лететь. Сколько ни звонил костромской губернатор в Москву – небесными дорогами тут распоряжаются ярославцы...

Мы с Владимиром Николаевичем сидим в «Кабинете» – так называют дом, расположенный рядом с тем, где живёт семья; здесь поэт работает. С утра протопил печку, и тёплый её дух витает, лаская душу, напоминая детство...

– Нормальное состояние нормального гражданина есть состояние Гражданской войны с отечественной чернью, – читает он вслух свою последнюю статью «Вор в доме». Пишет о костромской чиновной «черни». Есть о чём писать: «подвигов» на ниве культуры ею понаделано немерено...

Последний таков: собирали люди по личной инициативе деньги на памятник Бобке – костромскому пожарному псу, который спасал детей из огня. В именных конвертах они хранились в сейфе Литмузея. Да не самостоятельного уже, а превращённого в отдел Художественного и выживаемого с центральной площади Костромы доходного места! Музей денег не приносит; здесь в самый раз ресторан открывать и грести их лопатой... Леонович встал стеной, единомышленники поддержали: нельзя ликвидировать музей! Да куда там... Больные воспоминания, – началась-то эта история ещё в последние месяцы моей костромской жизни в 2006 году...

Но давайте о Бобке. Не будет, видимо, ему памятника. Владимир Николаевич пишет: «Конверты вскрыли. Идёт ревизия Литмузея; за нею последует административное шельмование его работников... Ошельмованный музей легче разорвать».

Деньги-то были нигде неучтённые, состав «преступления» налицо. Правда, нечистые ручки, вскрывшие конвер-

ты и арестовавшие святые эти рубли, протянулись было с «деловым» предложением: если директор музея напишет заявление об уходе, деньги тут же вернут радетелям будущего памятника псу-спасителю.

Известный расклад: нет штатной единицы – нет препятствий для разорения музея... Что говорить о Литмузее, которому всего 10 лет, если выбросили буквально на улицу Историко-архитектурный музей-заповедник «Ипатьевский монастырь» с его пятьюстами тысячами единиц хранения! В три разных неприспособленных помещения. Новому мускулисту духовенству захотелось получить Ипатьевский монастырь – памятник федерального значения, в единичное пользование. И преуспели. Получили. Ни голодовки музейных работников, ни публикации в центральных СМИ не помогли... Отношение к великому историческому наследию специфическое. Вскоре сгорела деревянная, без единого гвоздя срубленная церковь Спаса-Преображения на Старом Дворе Ипатьевского ансамбля. 400-летний уникальный памятник вошёл в историю русского зодчества и, спасенный в своё время от затопления усилиями одержимых, в хорошем смысле, людей, погиб в одночасье.

Перебираем горькие утраты некогда культурообильного костромского края, а Люська вокруг вертится, ушко своё вострое то и дело освобождает от золотой копны волос, чтобы лучше слышать. Я смотрю из окна на Унжу, и если бы не её целительная красота, да не Люся, разревелась бы...

Вся костромская культурная инфраструктура ещё на моих глазах ушла в небытие, как Атлантида... В филармонии торгуют тряпками, в Литмузее ювелиркой и т.д. Кострома с начала прошлого века была озабочена работой чёрной: выталкивать тех, кто мог её улучшить, очеловечить. Тут достаточно упомянуть исход интеллигенции в 60-70-х годах... Началось, не соврать бы, с Николая Скатова?.. Они были одним сообществом в Костроме: препода-

Владимир Леонович с дочерью Машей

Распахнутое окно поэта

даватель Скатов, художник Шувалов, архивариус Бочков, литературный критик Дедков, искусствовед Игнатъев, архитектор Шевелев, гобеленщик Радченко... Когда Скатова из Костромы вытеснили, он уехал в Ленинград и стал впоследствии директором Пушкинского Дома...

Да, каждый из перечисленных внёс свой невоспроизводимый вклад в мировую культуру. Однако Кострома либо выталкивала, либо убивала, оставляя без работы, или впрямую, физически, как Шувалова, ещё в 1970-х доказавшего мёртворождённость соцреализма... Тридцать лет прожил там Дедков, а всё ж уехал: «Писать о провинции легко, жить в ней трудно...»

Но полно, хватит о грустном... Из другого окна, что за спиной Володи, виден замечательной чистоты зелёный луг, а над ним искрится, переливается слепой дождь. И уж не слёзы горечи, а счастья от такой красоты просятся на глаза...

Люся ведёт на чердак – там её царство. Переодевается в разные платья и танцует, а я должна смотреть. Я люблюсь девочкой – настоящей русской красавицей. Эх, Люся, у кого же ты в такой глуши учиться танцам-то будешь?..

Поверяет Люся свои секреты: появилась у неё подружка Катя, она обязательно познакомит нас...

Ну, наконец-то у Люси есть подружка! Соседи удочерили интернатского ребёнка. Так здесь многие поступают: приходит дитя в семью, по пословице, с краюшкой под мышкой. Государство платит пособие. А иначе не выжить – работы нет, совсем обезлюдели места кологривские...

Появляется подружка. С вестью: а у соседской Ленки-то ночью ребёнок умер в Кологривском роддоме! Говорили ей, не ходи с голым пузом-то, не перетягайся джинсиками, а ей ни к чему! Вот и помер ребёночек-то. Плохо она с ним ходила. Я вот когда забеременею, буду хорошо ходить целых три года!.. – хвалится Катя.

После ухода детей Леонович вздыхает: «Как мы ждали появления этого единственного младенца на несколько деревень – в округе молодёжи нет, в города уезжает...»

Неподалёку в деревне Шаблово живёт несколько семей, взявших на воспитание сирот. Это родина Ефима Честнякова, мудреца, сказочника и поэта, художника и целителя, кудесника пушкинского толка. Прожил он свою жизнь до конца благодаря колпаку юродивого. Спас его колпак.

«Вооружённая властная чернь, – пишет Леонович, – его сестру Александру, не имеющую братниной склонности к лицедейству, 18 лет в лагерях держала».

Есть в Шаблово Ефимов ключик, люди исцеляются, побывав там да на могилке Ефима... Шаблово обезлюдело, но поселилась на родине человека, который страстно желал и устраивал счастливую жизнь для крестьянских

детей, многодетная семья Матюхиных. Восемь ребятишек своих и приёмных. Семья Моисеевых рядом появилась – ещё четверо детей. Рассказывал Леонович, как сглатывал слёзы, видя, что семилетняя Юленька, когда-то «трудная» девочка, ни слова не говорящая, теперь здоровый веселый ребёнок – танцует!

«Втравил» Леонович в шабловские дела Александра Гордона, человека известного, потому как вся наша страна, за небольшим исключением, – телезрители. Благодаря Гордону появились в Шаблово ещё два дома: для гостей и семьи врача Росляковой; у неё четверо ребят... Строится в Шаблово сказка, о которой мечтал Ефим, живут люди кучно, соборно... Да ведь мы делаем как лучше, а выходит как всегда!

Есть, вернее, был в Шаблово Дом-музей Ефима Честнякова. Дом народный: снесли жители туда всё, что на память о Ефиме хранили, из поколения в поколение передавали, как реликвию: его неповторимые глиняные игрушки, картины, рукописи, личные вещи. Многодетная мать открывала Дом в любое время каждому приезжающему. У нашего юродивого-то мировая слава! Только в родной стране известен не очень. «Русский Леонардо», «Русский Кампанелла» – писала о нём европейская пресса, когда в 1968 году костромской искусствовед Игнатъев «открыл» миру честняковское наследие... За это и многое другое Международным биографическим центром вписан Виктор Игнатъев в число двухсот выдающихся людей планеты XX века...

Так вот, командным языком областного начальство объяснило матерям, что занимаются они самодеятельностью, с этим надо кончать. Подарили шабловскому дому несколько штатных должностей, отняв у него имя «Дом Ефима» и сделав его ОТДЕЛЕНИЕМ Кологривского ОТДЕЛЕНИЯ областного музея...

«Деревенские условия жизни музея, – говорит Володя, – власти перепутали с условиями городской жизни. Теперь музей работает от и до, конкретно в

среду и воскресенье, с 10.30 до 14.30. Ну и вообще всё расчертили – кто что должен, а кто нет. Принять туфтовые должности за смешные деньги многодетные матери отказались. Директор дважды в неделю по расписанию прибывает из Кологрива. Открывать музей каждому паломнику в любое время запретили.

Некогда, повествует Леонович, Аракчеев переселил крестьян в военные городки, распланировал их жизнь по-немецки и в ответ получил русский бунт. Беспощадный, но осмысленный. Вот и матери взяли да вынесли из музея все экспонаты, ведь окрестные старухи дарили их не музею, а лично им, их ребятишкам. Так что, СВОЁ забрали. И когда костромское культурное начальство приехало, в бывшем Доме-музее остался портрет Ефима, да ещё кое-какие малозначительные экспонаты. И всё.

– Эх, жалко, Вера, – говорит Люська, – не успела ты поглядеть на Ефимкин дом. Туда зайдёшь танцевать хочется, так легко делалось...

Такие вот дела в костромской кологривской глуши, в деревеньках, принадлежащих к исчезающему меньшинству исчезающей уж не один десяток лет деревенской России...

Расстрелянный Христос

А летом 2009 года поездка в Илешево принесла знакомство с потрясающим открытием, на которое уже отреагировали московские искусствоведы, называя его сенсацией мирового значения.

Сначала не поверилось: на краю цивилизации, в храме заброшенного села, вкусившем все прелести отечественной истории, обнаружены образцы рафинированного европейского классицизма в виде фресок?.. Но вот они перед глазами: классическая интегральная европейская живопись в храме, построенном в 1796 году в стиле

ничем не примечательного традиционного провинциального барокко.

Год назад иннок Леонид открыл окна, приводя помещение в богоугодный вид. Внутрь ворвался влажный воздух и... советская штукатурка, отсырев, начала осыпаться, открывая древние фрески. В 1918 году большевики доказывали народу, что Бога нет, стреляли в изображённые на стенах лики. Одна из пуль угодила в лоб Иисусу, след от неё хорошо виден и на снимке... Потом фрески заштукатурили. Однако и в настоящий момент они в достаточно хорошем состоянии. Выпадение красочного слоя локальное.

Мы пришли в храм не вовремя: Леонид встретил не то чтоб неприветливо, но явно был чем-то озабочен. Оказывается, мы прервали ежедневную молитву: «Я могу вам всё показать сейчас, но мне ещё четыре часа надо молиться, а если я не буду это делать, может вспыхнуть пожар или ещё что хуже стрясётся...» Мы переглянулись. Он кротко заметил: «Вы можете счастье меня за сумасшедшего, но я ведь с оптинскими старцами общаюсь».

Без малейшего неудовольствия мы отложили осмотр до окончания молитв инока за всех нас. А пока сходили на могилу Ефима Честнякова – художника, учившегося в Академии художеств у Репина. После он вернулся из Питера в родную деревню.

А крещён он был в Илешевском храме... «Вот всё и связалось, – говорит моя подруга, ныне поселившаяся с семьёй в Илешево. – Ефим, оказывается, не на пустом месте возник, он с детства видел эти великолепные фрески. Да и судьбу их автора повторил: Сила Иванов, крепостной, по окончании Академии в Питере расписывал тамошние храмы, а потом вернулся на родину и расписал храм в Илешево. Может, Иванов не фамилия – отчество. О нём мало что известно...» Илешевский краевед Александр Хробостов в записях Честнякова встретил упоминание о том, что Сила родился в Шаблове крепостным. Его отправили «учиться на худож-

ника» (по стилю судя, принадлежал к кругу Боровиковского). Вернувшись, поставил себе колоритный дом с золотым репеем на шпиле. Получил нагоняй от старосты: как можно крепостному жить в доме краше, чем у барина?! Вот и всё, что известно о Силе.

А фрески его не просто высокопрофессиональная работа живописца столетнего уровня, но – духовное откровение. Сила Иванов думает о духе. Он выше простого мастерства. Оказывается, в глухой российской провинции жили живописцы на уровне самых высоких образцов Ренессанса...

В этом убедились, вернувшись в храм и застав инока Леонида уже в другом настроении: приветливый, стройный и лёгкий, как юноша, 76-летний инок в алтарь меня, конечно, не пустил. «Тайную вечерю» (крупная фресковая форма) снял на мой аппарат сам.

Искусствоведу есть здесь чему подивиться. Такое можно, казалось бы, увидеть лишь в Петербурге, Риме и Париже. Для художника нет проблем с отображением света и тени на лицах, профили расписаны мастером психоанализа. Сияющий взор Спасителя (под следом от пули во лбу)... Иуда – слева, почти спиной к зрителю. Тяжёлое недоумение угадывается и со спины. Но не предательство главная тема этой фрески, берите выше...

Снизу фреску съела соль... – был тут в советские годы и соляной склад (церковь удобно располагается на берегу судоходной Унжи, вот её и определили перевалочной базой соляных перевозок). Но мощная кирпичная кладка выдержала удары времени. Обвалилась в одном месте, под куполом. А ещё в советское время «догадались» из храма сделать двухэтажное помещение, горизонтальной перегородкой разделив надвое. Поэтому нижняя часть фресок видна снизу, а верхнюю можно увидеть, только взобравшись на второй этаж.

Туда, а потом под купол храма мы забирались по нескольким приставным лестницам. Измазались, руки-ноги дрожали от таких упражнений, но доволь-

ны были необычайно. На втором этаже изящная гризайль имитирует орнамент фресок серо-белой росписью. С первого взгляда на фреску «Нагорная проповедь», верхняя часть которой видна отсюда, подумалось: она уникальна. Иисус не просто восседает, он словно парит над землёй. Разводит руки, не просто благословляя, а вдохновенно принимая мир людей. На лице – сочетание беззащитности и мужественности. В искусстве всегда потрясает контрапункт. Но здесь он такой силы! Это чистейший, вдохновенный образ Христа! Фреска достойна стать святыней.

Здесь же можно увидеть, что процесс освобождения фресок продолжается. Появляются новые фигуры! Одну такую, уже смутно угадываемую сфотографировала. Она расположена симметрично большому изображению Богородицы. Та изображена в полупрофиль, что вообще несвойственно, кажется, русским храмовым росписям... Глядя на неё, невозможно не восхититься Мастером...

* * *

В этот приезд удалось заснять всё: и великолепные фрески, и дивную Унжу, и мёртвые дома покинутого жителями соседнего села Мичурино, далеко не единственного в этих краях, и жизнь, теплящуюся здесь вопреки условиям для вымирания... Жизнь нелёгкая. За прошедший год Владимир Николаевич заметно сдал. Ему уже 76. Но, тем не менее, косит траву, заготавливает веники, переложил печь в баньке теперь она и в морозы по три дня хранит тепло. Вместе в Сергеем Яковлевым издает журнал «Письма из России»... Изредка выезжает по делам в Москву.

И кто бы знал, что через несколько месяцев после моей поездки он будет в Казани проездом в Елабугу. Об этом ниже. Кологривские очерки мои, таким образом, расширяют свою «географию»... А кологривский отшельник Владимир Леонович предстаёт в ещё одной своей ипостаси.

Обременённые памятью

Есть события и События. О событии можно написать сразу и тут достаточно жанра сугубо информационного. А Событие необходимо осмыслить, отодвинувшись от него во времени в обе стороны: прошлое и будущее. Таковым, на мой взгляд, явилось открытие в Елабуге памятника жертвам политических репрессий 29 ноября 2009 года, участие в котором приняли представители государственной власти Татарстана и России, члены совета Ассамблеи народов РТ и, разумеется, общественных организаций жертв политических репрессий обоих уровней. Сюда были приглашены и литераторы Виталий Шенталинский и Владимир Леонович – два последних «могикана» из Комиссии по творческому наследию репрессированных писателей (коротко Репком), которой в своё время помогали Булат Окуджава, Анатолий Приставкин, Анатолий Жигулин, Олег Волков, Юрий Карякин и многие другие. «Иных уж нет»...

Последние годы своего существования Репком занимал маленькую комнатку в Ростовском доме Союза писателей. На неё так или иначе велись атаки руководства, желающего то отдать площадь арендаторам типа фирмы «Израильское золото», расположенной здесь же, то отнять номер телефона, то уволить сотрудницу, ведущую переписку с выжившими политзаключёнными-литераторами, ещё проживающими на необозримых просторах родины нашей. Ольга Сушкова была поистине «ангелом», поддерживающим их связь с центром. Готовила их публикации, утешала морально. Её таки мизерный оклад понадобился на «другие нужды» некогда уважаемого союза, а теперь занятого разборками и дележом наследства Союза писателей СССР, в том числе дач и иных ценностей. Но об этом достаточно написано и прочитано, а речь о другом.

Виталий Шенталинский – инициатор и руководитель Репкома, автор трилогии о репрессированных писателях, начатой «Рабами свободы. В литературных архивах КГБ» (1995) и продолженной «Доносом на Сократа» (2001). Эти книги сначала увидели свет за границей, последняя «Преступление без наказания» издана сразу в России в 2007 году. Поэт и путешественник, действительный член Географического общества, полярный исследователь (зимовал на острове Врангеля, участвовал в экспедициях на Землю Франца Иосифа и Северную Землю) оказался первым литератором, который добровольно переступил в 1980-х годах порог Лубянки в надежде восстановить насильственно оборванные писательские судьбы.

А поэзия Владимира Леоновича принадлежит к поэзии духовного опыта, что сближает её с творчеством репрессированных, многие представители которого, кстати, при жизни не опубликовали ни строчки... Ему тоже не сиделось в Москве, и вся его жизнь, как уже упоминалось, крепко связана насколько с пером, настолько и с другими инструментами: топориком, монтажным поясом, мастерком, косой и лопатой. То в Карелии на Пелусозёре («водушка серебряна!») ставил в одиночку часовню взамен разрушенной, расчищал тамшние обиталища, то на Соловках после изучения архивных материалов СЛОНа (Соловецкий лагерь особого назначения) крыл купола храмов осиновым лемехом, складывал печи, чистил дорогу на соловецкую Голгофу, ставил обетные кресты с собственноручной чеканкой «Спаси, сохрани, вразуми».

С Шенталинским они составили и издали книгу «ЗА ЧТО? Проза. Поэзия. Документы», куда вошли произведения и воспоминания, документы, спасённые от забвения в годы работы в Лубянских архивах. Издана она была в 1999 году на деньги российского каторжника № 1 Александра Солженицына. Все произведения, вошедшие в книгу, несут печать таланта, будь автор всенародно известен, как Борис Чичибабин, Варлам

Шаламов, Анатолий Жигулин или неизвестен даже специалисту-гуманитарию, потому что его работы не видели света, оставаясь в архивах НКВД.

* * *

Решётка ржавая, спасибо,
Спасибо, старая тюрьма!
Такую волю дать могли бы
Мне только посох да сума.
Не напрягая больше слуха,
Чтоб уцелеть в тревоге дня,
Я слышу всё томленье духа
С Екклесиаста до меня.
Запоры крепкие, спасибо!
Спасибо, лезвие штыка!
Такую мудрость дать могли бы
Мне только долгие века.

Когда б не эта книга, кто бы узнал, что автор стихов песни, положенной Петром Старчиком на музыку, Александр Солодовников (1893–1974), в Гражданскую войну деникинец, позже многолетний сиделец. Именно особой зковской мудростью сильны и умны стихи и проза книги. У лагерной литературы сила особая. ГУЛАГ породил «дантовские» шедевры Солженицына и Шаламова, но и многие менее талантливые авторы мудры тою же мудростью. Их слово прорастает из опыта... Подчеркнём – исторического народного опыта, о котором, как подразумевает надпись на стене елабужского мемориала, нельзя забывать, потому что «Это не должно повториться». Потому что забвение – путь к повторению.

– Эту правду мы должны рассказать новому поколению. Не для того, чтобы очернить наше прошлое, а ради того, чтобы сбылись слова, которые вы написали здесь: «Это не должно повториться», – сказал на открытии мемориала в Елабуге глава Госсовета РТ Фарид Мухаметшин.

Ну а что рассказывать новому поколению, если не будет таких книг и таких мемориалов, и таких писателей, для которых личный успех и душевный покой значит так мало, что они спускаются за этим опытом в подвалы, где хранятся архивы, читать документы, про-

токолы допросов, и не свихнуться от запечатлённого там ужаса трудно...

Вот Челябинский централ образца 1937 года в отрывке из повести Михаила Шангина «Тюрьмы». Шангину было семнадцать, когда он стал узником. Арестован в 1937 году по доносу. Реабилитирован в 1957 году. Литературное дилетанство, как бы теперь сказали, преодолевается фактурой.

«Круглые сутки шевелится голая масса, копошатся люди, как черви в банке... Некоторые стоя дремлют. Ноги у них синие, опухшие, зато они первыми выходят на прогулки и возвращаются последними. Им достаётся лишний глоток воздуха. Под койками тоже жильё: там лежат валетом по восемь человек... Подкожные чаще умирали. Живые день-два спали рядом с мертвецами, чтобы получить за них пайку хлеба да разделить на несколько человек. Трупы в конце концов вытаскивали волоком.... Пытали не всех и взрослых, но КРЕСТ я видел. Крест – это холл при пересечении коридоров. То ли здесь стены скреплены растяжкой железным прутом в руку толщиной, то ли прут был прилажен специально для пыток. На нём подвешивали узников: кого за руки, кого за ноги, кого за руку и за ногу. Тут же на полу валялись заделанные в смиренные рубахи. Рубаха эта наподобие комбинезона, только широкая. В неё заделывают «клиента», воду туда заливают, кладут на живот и стягивают ноги к голове. В тюрьме около пятнадцати тысяч заключённых. Не успевают всех вывести на прогулку. Стали водить и ночью. Тогда-то я и увидел его, крест... В ужасе проходим мимо. Висят люди, ещё живые, глаза выкачены, пена с кровью изо рта. Жертвы «свежие» орут на весь этаж, остальные, уже доходящие «до кондиции», просто мычат. ...Сидим, 286 узников вместо тридцати, на которых была рассчитана камера».

О судьбе автора мы бы не узнали, когда бы её не «вынули» из подвалов НКВД. Так же, как и о других судьбах, «заставляющих сжиматься сердце любого человека, если он ещё не потерял

его в наши последние слишком пёстрые годы», пишет Юрий Курбатов в рецензии на книгу «За что?», остаётся добавить: мы, как народ, живы, пока издаются и читаются такие книги. Пока «материал» для них извлекается из гробницы исторической памяти архивов НКВД, которые, как сказал Владимир Леонович, сегодня снова закрываются.

«Того, что пережили мы, говорила Анна Ахматова Лидии Чуковской 4 марта 1956 года: да, да, мы все, потому что застенок грозил каждому! не запечатлела ни одна литература. О том, что пережили казнённые или лагерники, я говорить не смею. Это неназываемо словом. Теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили».

– Полвека прошло с тех пор, много воды утекло, сменилась эпоха, а «две России» по-прежнему глядят друг другу в глаза, – говорит Леонович, – Кто у нас, Пушкин или Сталин по рейтингу главный? Сталин набирает больший рейтинг. Народ замороченный... На перестроечной волне очарования свободой и надеждой эти подвалы были открыты. Сейчас архивы работают на десять процентов. Остальные – закрыты. В Питере была попытка отчуждения архивных материалов от людей, которые там работают, арестовать архив... Про трилогию Шенталинского: написана знающим человеком. У него конкретное мышление человека, который разбирается в юриспруденции, метафор немного, много трезвых оценок. Главных вещей не упускает. Жаль, молодёжь не читает. У неё отравлен интерес к книге исторической и другой, настоящей литературе – «упала» книга. По признаку серьёзности и вмешательству в жизнь...

Сам Владимир Николаевич не упускает возможности пообщаться с молодёжью. В музее им. М. Горького до поездки в Елабугу состоялась встреча казанских литераторов, молодых и не очень, с поэтом. А по возвращении из

Елабуги мы его не узнали, помолодел лет на двадцать.

– Я не предполагал, что это будет так прекрасно. Никакой показухи. Открытие мемориала – со вкусом, без помпы, хотя у нас обычно ничего без помпы не бывает. И Михалковский гимн не звучал – звучал Бетховен, Лунная соната. Открытие мемориала – свидетельство того, что здоровая сильная мысль работает: порядок вещей, забота о народе и стране в том, чтобы люди открытыми глазами смотрели на то, что происходило в годы российского средневековья в XX веке. Они непростительны, не имеют срока давности... То, что произошло у вас в Татарстане, нельзя переоценить. Это поступок мудрых людей без оглядки на то, что законодательно никто репрессий не осудил. У нас не было Нюрнбергского процесса.

Меня поразил этот чистый город, его обихоженность, и Цветаевский мемориал, большая площадь... Никто не почитал, что земля дорого стоит. Не застроили особняками... И когда мэр спросил о впечатлении, я ему сказал, что приехал удручённый тем, что происходит в городе, где я родился: закрывают, разоряют музеи, потому что они не приносят дохода! И голодовки музейных работников, протесты интеллигенции ничего не решают. Я ему сказал, что до слёз восхищён тем, что происходит в Елабуге.

А на встрече в казанском музее им. М. Горького Леонович рассказывал литераторам, грубо говоря, о роли личности в истории, только не в её хрестоматийном понятии.

Он говорил о первом поэте Грузии лауреате Ленинской премии Галактионе Табидзе, который 17 марта 1959 года на уже третье, весьма «убедительное» предложение подписать осуждение Пастернака ответил прыжком из окна больницы, чем искупил позор всех советских литераторов, его так или иначе подписавших. Он говорил о редакторе «Нового мира» Александре Твардовском, который, будучи в то время кандида-

том в президиум ЦК КПСС, не «сдал» Солженицына, хотя ходили слухи, что это так.

И одна девушка его спросила, был ли смысл в этих одиночных протестах, когда для «протестантов» дело заканчивалось так плохо, а по большому счёту ничего не меняло.

Леонович объяснил, что арифметика «один против всех» не так проста. И прочёл стихотворение каторжанки-колымчанки Елены Владимировой, опубликованное в книге «За что?»

* * *

Мы шли этапом, и не раз,
колонне крикнув: «Стой!» –
садиться наземь в снег и в грязь
приказывал конвой.

И, равнодушны и немые,
Как бессловесный скот,
На корточках сидели мы
До окрика: «Вперёд!»

Но раз случился среди нас,
Пригнувшись опять,
Один, кто выслушал приказ,
И продолжал стоять.

Минуя нижние ряды,
Конвойный взял прицел.
«Садись! – он крикнул. – Слышишь, ты?!
Садись!» – Но тот не сел.

Так было тихо, что слышать
Могли мы сердца ход...
И вдруг конвойный крикнул: «Встать!
Колонна марш вперёд!»

И мы опять месили грязь
Неведомо куда,
Кто с облегчением смеясь,
Кто бледный от стыда.

По лагерям куда кого
Нас растолкали врозь,
И даже имени его
Узнать мне не пришлось.

Но мне запомнился навек
Высокий и прямой
Над нашей согнутой толпой
Стоящий человек.

Давайте помечтаем, исходя из императива, что «Этого не должно повто-

риться», о новой дисциплине в школе: уроке свободы. Он будет полезен и девочке, о которой рассказал Виталий Шенталинский: «У неё две бабушки были репрессированы. А она написала в сочинении: Сталин был эффективный менеджер. Она мыслит прагматичными, на грани с цинизмом мерками сегодняшнего дня. В связи с этим можно вспомнить Роберта Конквеста, который в своей книге «Большой террор» возражал тем, кто утверждал, что Сталин модернизировал страну: эту эффективную модернизацию можно сравнить с канибализмом: тоже метод улучшенного питания. Но остаётся ли после этого человек человеком?»

Итак, урок свободы. Учитель даёт задание описать, какие чувства испытали согбенные люди, когда увидели, что один человек не сел? Может быть, один подумал: сейчас конвойный даст очередь, и погибнет не только этот «герой»? Другой: ах молодец, может, подержать его? И, возможно, уже привстанет. Третий: он, как Иисус, взял на себя наш грех... Четвёртый: посмотрим, что будет, но я-то лучше спрячусь, отсижусь, так вернее...

Учитель спросит детей: а как бы вы поступили в такой ситуации?... Дети будут думать. Будут примеривать ситуацию на себя. В их душах будет совершаться свободы чёрная работа... А иначе то, что не должно повториться, повториться может.

Постскрипtum

Елабуга сделала свой выбор. А по данным Левада-центра, 40 процентов опрошенных выступают за то, чтобы не ворошить прошлое. И это в стране, два поколения которой прошли через государственный террор. Какая основная причина? «Это нас не касается». Выражаясь нынешним языком, «не грузите!» Нас там не было... Но произошло же в стране в годы репрессий преступление без наказания, которому до сих пор не

дано юридической оценки. Мы любим ругать власть. А ведь власть делает лишь то, что народ ей позволяет. И не делает того, чего народ не требует. Если юридической оценки нет, значит, она не нужна народу? Издатель «Преступления без наказания» Шенталинского Станислав Лесневский сказал: «Пусть это будет наш Нюрнберг, суд, сильный нам». Те, кто не поленится или отважится читать документальную трилогию Виталия Шенталинского, не опасаясь за своё душевное здоровье, совершит над собой эту чёрную работу свободы. Ведь, как писал управляющий с 1839 года 3-м отделением генерал Дубельт в дневнике: «Наш народ тих, а тих оттого, что несвободен». А когда это

так, с народом можно делать что угодно...»

Безусловно, трилогия Шенталинского – учебник свободы. Стихи Владимировой тоже, впрочем, как и вся поэзия Владимира Леновича, в том числе, такие строки:

...На родине моей больной
народ не чувствует позора.
Огонь ползучий, нутряной
Наружу польхнёт не скоро.
Не тронув злых, больных, заблудших,
Ни тех, кому хоть всё сгори!
Он выбирает самых лучших
И пожирает изнутри.
И от Вьетнама до Чечни
Ни времени, ни расстоянья –
Лишь одинокие огни
святого противостоянья...

